

Двое юных актеров, перегоняя друг друга, скрылись из виду. Из-за угла вышли Бай Линъюнь и Дай Пэйчуань.

На лице Бай Линъюня играла неопределенная усмешка. Неудивительно, что древние были такими болтливыми: в эпоху без телевизоров, компьютеров и мобильных телефонов только длинный язык и мог спасти от скуки.

В отличие от невозмутимого Бай Линъюня, Дай Пэйчуань был вне себя от ярости. Он привык терпеть обиды и брань, но как они посмели так оскорбить его старшего брата? Если бы не вмешательство брата, он бы давно бросился на тех двоих и разорвал их наглые рты.

— Пусть болтают, раз им так нравятся пустые сплетни. От того, что они перемывают мне кости, куска мяса у тебя не убудет, правда?

Как бы Дай Пэйчуань ни злился, слова Бай Линъюня для него были законом. Он опустил голову, надул губы и повел брата в комнату Главы труппы Чэня.

Бай Линъюнь усмехнулся про себя. Еще вчера он все обдумал: раз уж попал сюда, придется приспособливаться. Другого выхода все равно нет, так что остается только действовать по обстоятельствам.

Сейчас важнее всего было решить вопрос с пропитанием. Он знал — и Дай Пэйчуаню не нужно было об этом напоминать, — что в Шэнфубань у него нет кабального договора. А что касается загадочного Чуньхэтан, то об этом предстоит разузнать позже.

Неожиданный визит Бай Линъюня напугал Чэнь Фушэна до смерти. Эта «великая статуя» жила у него уже почти год, но, не считая обязательной встречи при приеме в труппу, ни разу не переступала порог его комнаты.

Войдя, Бай Линъюнь бросил взгляд на Дай Пэйчуаня. Тот кивнул, закрыл за собой дверь и замер снаружи, словно страж.

Чэнь Фушэн с удивлением, даже с ужасом, переводил взгляд с одного на другого. Прошлой ночью его сильно пнули, так что завтракал он, лежа на боку, и не слышал грязных сплетен, гуляющих по двору. Да и никто не рискнул бы прийти к нему с подобными разговорами — шкура дороже.

Бай Линъюнь мельком оглядел комнату и, никого не спрашивая, сел на единственный стул. Увидев жилище Главы труппы, он понял, что его собственная комната — просто верх роскоши, по крайней мере, по площади она точно больше. Это лишь усилило недоумение: с какой стати Глава труппы так высоко возносил его, если сам жил в таких условиях?

Чэнь Фушэн, полный сомнений, присел на край кровати, размышляя, не повредил ли Бай

Линъюнь рассудок, раз с ним случилась такая перемена.

Бай Линъюнь слегка кашлянул, возвращая Чэнь Фушэна из мира грез в реальность.

— Глава труппы Чэнь, я пришел обсудить выступление в резиденции командующего.

Эти слова прозвучали для Чэнь Фушэна как удар грома.

— Ч-что вы сказали?

— Я сказал, что буду выступать в резиденции командующего. У вас есть возражения?

Бай Линъюнь решил превратить обсуждение в уведомление. Иначе, пока этот вечно витающий в облаках Глава труппы придет к решению, наступит время ужина. А Бай Линъюнь с самой ночи не ел и был голоден как волк.

Чэнь Фушэн сделал пару судорожных вдохов, прижал руку к пылающей груди и попытался взять себя в руки.

— Вы... вы все обдумали?

Бай Линъюнь едва заметно улыбнулся:

— Разумеется. Иначе зачем бы я пришел к вам?

Чэнь Фушэна на мгновение ослепило. Красота Бай Линъюня была известна на весь Пекин — если бы не она, при его-то неуступчивом характере, он бы давно сгинул. Но чтобы он улыбался так нежно и обворожительно — такого никто не видел.

Бай Линъюнь поправил манжеты и неспешно продолжил:

— Глава труппы Чэнь, я выступал у вас несколько раз. Когда вы собираетесь выплатить мне причитающуюся долю?

От Дай Пэйчуаня он узнал, что «его» предшественник жил в Шэнфубань почти год, но начал выступать только полмесяца назад. Он отработал три дня, но не успел получить плату, как наложил на себя руки. Прежний владелец тела ушел, оставив проблемы Бай Линъюню: ни гроша в кармане, да еще и принуждение к постыдной жизни. Если бы не Дай Пэйчуань, он бы давно распродал все эти непрактичные наряды из шкафа. Сейчас у него не было ни копейки, и вопрос выживания стоял ребром.

Чэнь Фушэн хлопнул себя по лбу, вскочил с кровати и направился к шкафу из черного дерева, стоявшему в изголовье. Доставая ключ, он затараторил:

— Да я уж давно все приготовил! Совсем закрутился с делами, заставил вас побегать.

Бай Линъюнь промолчал, разглядывая свои длинные тонкие пальцы. Финансовое положение Чэнь Фушэна было незавидным — это было ясно по обшарпанному двору и худосочным актерам. То, что Глава так охотно расстался с деньгами, говорило о двух вещах: во-первых, с приходом такой звезды, как Бай Линъюнь, доходы труппы выросли; во-вторых, хоть Чэнь Фушэн и был начальником, он не смел ни диктовать условия Бай Линъюню, ни урезать его долю.

Получив деньги, Бай Линъюнь, не прощаясь, отправился к себе.

Путь до комнаты занимал не более двадцати метров, но Дай Пэйчуань, вытаращив глаза и плотно сжав губы, шел рядом, напряженный, словно готовый в любую секунду броситься в бой. Бай Линъюнь невольно усмехнулся: неужели двадцать серебряных долларов стоят такого волнения?

Едва они вошли, Дай Пэйчуань быстро закрыл дверь и окна, а затем, для верности, подпер дверь двумя стульями.

Бай Линъюнь не выдержал:

— Не слишком ли? Белый день на дворе, кто посмеет грабить среди бела дня?

Дай Пэйчуань нахмурился, и между бровей у него залегла складка.

— У Чуньхэтан здесь свои люди. Они на все способны. Если бы не они, разве оказался бы брат в такой беде?

Бай Линъюнь вопросительно посмотрел на него. Дай Пэйчуань, несмотря на юный возраст, серьезно произнес:

— Как только у вас появляются деньги, эти подлецы тут же начинают творить свои грязные дела.

Бай Линъюнь понимающе кивнул. Он догадывался: каким бы скверным ни был характер «его» предшественника, обладая таким талантом и внешностью, он не мог не заработать ни гроша. Оказывается, дело было не в отсутствии денег, а в том, что иметь их было нельзя. Чем же он так насолил Чуньхэтан, что те решили изводить его голодом, даже не прибегая к прямому насилию?

Бай Линъюню хотелось крикнуть: «Лишать человека заработка — это подло с вашей стороны!»

К утру снегопад прекратился. Небо прояснилось, выглянуло солнце, и воцарилась тишина и покой. Бай Линъюнь в сопровождении Дай Пэйчуаня вышел на улицу под любопытными взглядами окружающих.

Днем в Ханьцзятань было пусто. Дома стояли с наглухо закрытыми воротами. Лишь изредка доносились звуки распевок или яростная брань учителя, отчитывающего нерадивого ученика.

В Бадахутуне было бесчисленное множество труп, и Ханьцзятань была самой известной из них. Однако тех, кто действительно добился славы, можно было пересчитать по пальцам. Остальные влачили жалкое существование, прозябая в нищете и бесчестии.

<http://bllate.org/book/19185/1883618>